

ЭКСПЕРТНЫЙ «КРУГЛЫЙ СТОЛ» «ИДЕИ ЕВРАЗИЙСТВА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ТЕОРЕТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ»

© 2023 г. Н. В. Кроткова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 29.12.2022 г.

Аннотация. В обзоре представлен материал Экспертного «круглого стола», посвященного анализу учения евразийцев и развития их идей в условиях современности (ЕАЭС). Так, в докладах отмечается, что в теоретическом отношении учение евразийцев было в высшей степени оригинальным, отражавшим главные свойства русской культуры и государственности. Евразийцы верно указали на объединительную роль России на евразийском континенте. В докладах также рассматривается роль права и судов, действующих в системе Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: евразийство, большевизм, консерватизм, Евразийский экономический союз, евразийское экономическое пространство, евразийская интеграция.

Цитирование: Кроткова Н.В. Экспертный «круглый стол» «Идеи евразийства в российском праве: теоретико-философские основания и практика реализации» // Государство и право. 2023. № 1. С. 178–193.

DOI: 10.31857/S102694520024145-0

EXPERT “ROUND TABLE” “IDEAS OF EURASIANISM IN RUSSIAN LAW: THEORETICAL AND PHILOSOPHICAL GROUNDS AND PRACTICE OF IMPLEMENTATION”

© 2023 N. V. Krotkova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Received 29.12.2022

Abstract. The review presents the material of the Expert “Round Table” devoted to the analysis of the teachings of the Eurasians and the development of their ideas in the conditions of modernity (EAEU). Thus, the reports note that, theoretically, the teaching of the Eurasians was highly original, reflecting the main properties of Russian culture and statehood. The Eurasians correctly pointed out the unifying role of Russia on the Eurasian continent. The reports also consider the role of law and courts operating in the system of the Eurasian Economic Union.

Key words: Eurasianism, Bolshevism, conservatism, Eurasian Economic Union, Eurasian Economic Space, Eurasian integration.

For citation: Krotkova, N.V. (2023). Expert “Round Table” “Ideas of Eurasianism in Russian law: theoretical and philosophical grounds and practice of implementation” // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 178–193.

29 ноября 2022 г. на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова прошел Экспертный «круглый стол» «Идеи евразийства в российском праве: теоретико-философские основания и практика реализации». Мероприятие организовали

кафедра конституционного и муниципального права, кафедра международного права и кафедра теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. «Круглый стол» включал в себя две панели:

«Теоретико-философские основания идеи евразийства» и «Воплощение идеи евразийства в международном и национальном правопорядках». Со вступительным словом выступили модераторы «круглого стола»: В.Н. Жуков, профессор кафедры теории государства и права и политологии, д-р юрид. наук, д-р филос. наук, проф., О.В. Кадышева, и.о. зав. кафедрой международного права, канд. юрид. наук, доц., Н.С. Малютин, доцент кафедры конституционного и муниципального права, канд. юрид. наук.

М.А. Маслин, зав. кафедрой истории русской философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р филос. наук, проф. «Столетие евразийства»

Опубликование в 1920 г. книги князя Николая Трубецкого «Европа и человечество» положило начало творческой истории нового направления в гуманитарных и социальных науках, которое получило новое развитие в XXI столетии. Это начальная часть трилогии Н.С. Трубецкого, в которую вошли также два других основополагающих для евразийства сочинения: «Об истинном и ложном национализме» и «Верхи и низы русской культуры». Общий замысел трилогии Трубецкой определил как «оправдание национализма» или построение «истинного национализма», противоположного племенному, этническому национализму, по образу и подобию шовинизма «хищников германо-романцев». Предпринятая Трубецким «революция в сознании» означала отказ от признания романо-германской культуры универсальной моделью общечеловеческой культуры; построение нового национализма, не этнического и не политического типа, основанного на евразийских культурных ценностях. Этот призыв был адресован не только к русским, но и к широкому кругу евразийских негермано-романских народов.

Общая направленность концепции локальных цивилизаций, основанной Н.Я. Данилевским и продолженной О. Шпенглером, не была близка Н.С. Трубецкому, склонному скорее к культурно-философскому универсализму, чем к партикуляризму теории культурно-исторических типов. Народы и их культуры понимаются Трубецким как «многочеловеческие личности», что определяется самой природой культурного творчества как производства ценностей, так как ценности творятся творческими личностями. По Трубецкому, референтной группой, в которую он включает культуру России, является вовсе не славянство, а целое человечество; подразумевается тем самым, что Россия ввиду множественности культурных матриц, включенных в различные ее этногеографические зоны, традиционно определяемые как «Восток», «Запад», «Север» и «Юг», сама есть модель человечества. Понимание того, что вектор

геополитического, культурного и хозяйственного развития России должен быть направлен не на Запад, а на Восток, имеет в отечественной интеллектуальной истории глубокие корни.

Провозвестниками предъевразийского мировоззрения были министр народного просвещения граф С.С. Уваров, автор «Проекта Азиатской академии», акад. В.И. Ламанский, философ К.Н. Леонтьев и другие выдающиеся русские мыслители. В 20-е годы XX в. евразийство стремительно растет и развивается, завоевывая особенно большое число сторонников у представителей эмигрантского «потерянного поколения», среди молодых людей, успевших получить в России образование, но вдали от родины не нашедших себе место на чужбине и потерявших дореволюционные интеллигентские иллюзии о дорогой Европе как «стране святых чудес». Молодые евразийцы с недоверием, порой и с неприязнью относились к представителям старшего поколения, называли их «старыми гримзами», считали их идеи устаревшим выражением «дореволюционного сознания», непригодного для понимания российских реалий, прошедших через горнило революций и мировой войны. В личной переписке Трубецкой использует по отношению к носителям «дореволюционного сознания» неприязненное определение «старые гримзы», а иногда и более жесткое — «рамолики» (от франц. *ramolli*), т.е. старики, утратившие умственные способности. Там же этот термин используется по отношению к бывшим идеологам кадетской партии вроде А.А. Кизеветтера и П.Н. Милюкова, которые в эмиграции вроде бы отказались от своего прежнего либерализма в духе «феврализма» и временно «ушли из политики», но, тем не менее, «держат нос по ветру» и «равняются по новым сквознякам», например эсеровским и монархическим, при том, что всем известен их прежний антимонархизм. Будучи принципиальными выразителями «пореволюционного сознания», евразийцы, вместе с тем, выдвинули тезис о генетической связи между петровскими реформами и большевизмом, утверждая, что оба исторические явления покоятся на основаниях «ложного национализма» — в первом случае на тотальном подражании романо-германству, а во втором — на «пролетарском интернационализме». Но тот и другой одинаково стремятся к выведению особенностей русской цивилизации не из внутренних присущих ей качеств, а из чуждых ей внешних источников.

Критика русского западничества, ведущего свою родословную от царя-реформатора, и провозглашение евразийцами «исхода к Востоку» были прежде всего призывом к избавлению от бездумного подражательства и отысканию путей развития России на основе «истинного национализма». «Оправдание национализма» и «растабуирование»

темы русского национализма составляют, по оценке Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого, центральное содержание евразийства как идейного течения, значение которого существенно возросло в постсоветскую эпоху.

В настоящее время евразийство является в перспективе единственным реалистическим постсоветским идейным течением, провозглашающим суверенитет и своеобразие России как особого евразийского государства-цивилизации и отрицающим ее «западнизацию». С особой убедительностью это доказывает новейшая конфронтация Запада с Россией, имеющая целью ее уничтожение. Отстаивание цивилизационного суверенитета России есть логическое продолжение в современных условиях того «исхода к Востоку», который был провозглашен классическими евразийцами 20–30-х годов прошлого столетия.

Н.С. Малютин, доцент кафедры конституционно-го и муниципального права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук. «Евразийский каталог прав человека: миф или реальность»

Проблемы евразийства, ставшие вновь актуальными из-за известных геополитических обстоятельств и в значительной степени обоснованной попытки Российской Федерации предложить собственный альтернативный концепт развития региональной интеграции, во многом сфокусированы исключительно вокруг его политических аспектов. В подобной ситуации сама по себе евразийская идея в значительной степени вульгаризируется, упрощается до не самых лицеприятных и крайних идеологических прочтений, предполагающих исключительность всего русского, мессианскую роль русского народа, реализацию идеи «Москва — третий Рим» и др.

Между тем, как представляется, подобное обращение к проблеме евразийства играет против самих исследователей, компрометируя полученные выводы и саму постановку задачи. Очевидно, что сегодня идея евразийства в ее классическом прочтении Н.Н. Алексеева, Н.Я. Данилевского, Н.С. Трубецкого и др. требует серьезного переосмысления с точки зрения единого смыслового ядра, сохраняющегося во всех без исключения подходах к данному феномену. Представляется, что в качестве такого смыслового ядра следует рассматривать культурную общность народов, проживающих в рамках евразийского региона, дающую основу для формирования единого гуманитарного пространства, одной из ключевых составляющих которого может стать общность (единство) правовых стандартов в области прав человека.

Советское прошлое народов евразийского региона (географическое определение которого едва ли может быть в настоящее время осуществлено

единственно правильным образом) позволяет с уверенностью говорить о формировании богатого опыта правового закрепления и обеспечения социально-экономического блока прав и свобод, а также реальных инструментов обеспечения социального государства. С учетом все возрастающего общественного запроса (в особенности в Европе) на комплексную социальную повестку со стороны государства использование подобного опыта для формирования новой стратегии развития евразийской идеи представляется весьма обоснованным. Кроме того, отсутствие до настоящего времени комплексного эффективного механизма обеспечения социально-экономических прав в рамках существующих европейских интеграций увеличивает шансы молодого, но достаточно перспективного в указанном смысле евразийского образования — ЕАЭС.

Важно подчеркнуть, что, несмотря на универсальность формы прав и свобод человека, а также в целом универсальность основного их каталога, практика их закрепления, а также детализации в национальных правовых порядках представляется весьма неоднородной (о чем красноречиво свидетельствует опыт Европейского Суда по правам человека, а также Суда ЕС). Подобная специфика, с одной стороны, создает необходимые условия для гармонизации регулирования уже «устоявшихся» для постсоветских стран категорий, а с другой — формирует масштабную базу конкретных национальных практик в области построения социального государства, требующую серьезного научного осмысления для последующей рецепции обоснованных и успешных вариантов. При этом сама по себе возможность применения названных успешных практик не подвергается сомнению в силу значительной схожести существующего регулирования указанных вопросов на евразийском пространстве.

В таких условиях формирование собственных наднациональных документов в области прав и свобод человека, акцентирующих внимание на социально-экономическом их блоке, а также создание на основе указанных документов специализированных международных институтов (в том числе на основе Суда ЕАЭС и др.) — достаточно серьезный практический шаг к построению прочного фундамента евразийского партнерства в духе традиционного, но переосмысленного евразийства.

А.В. Корнев, зав. кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф. «Политико-правовые идеалы евразийства. Н.Н. Алексеев»

Евразийская проблематика весьма популярна. К ней обращаются представители самых различных отраслей знания. Причины подобного интереса

очевидны. Однако имеются и практические соображения, которые диктуются геополитическими факторами. Как только Российская Федерация заявила о том, что она не будет поступаться своими интересами, не отказывается от своей политической субъектности в сложившейся управляемой системе международных отношений, то, как и следовало ожидать, в отношении нашей страны санкционная политика приняла беспрецедентный характер. На самом высоком политическом уровне неоднократно говорилось о том, что Россия объявлена врагом в самом прямом смысле этого слова. Коллективный Запад не желает сдавать свои позиции и будет делать все для того, чтобы сохранить в будущем глобальное лидерство. Все слишком очевидно. У него просто нет другого пути, кроме поддержания системы неэквивалентного экономического обмена, тем самым сохраняя технологическое и военное лидерство. НеокOLONиализм, тщательно замаскированный под глобализацию, по сути, есть новая форма мирового господства. С несогласными с такой политикой поступают самым безжалостным способом. Примеры красноречивы — Югославия, Ирак, Ливия, Сирия, Афганистан. К сожалению, мы живем в эпоху, когда экономика, право и просто здравый смысл принесены в жертву политике.

Словно предчувствуя неминуемый разворот в мировой системе отношений, акад. Е. Примаков предлагал «азиатский» поворот для России. Он видел большие возможности для нашей страны, если мы будем активно сотрудничать с такими политическими, военными, а теперь и технологическими гигантами, как Индия и Китай.

Тем не менее не все так просто. Культивирование евразийской проблематики в информационном пространстве потенциально таит опасность переоценки, а хуже того — иллюзий в этой части.

В массовом сознании в Евразию включают чуть не все страны, которые принято считать азиатскими. Сейчас все имеет условный характер. Во всяком случае юго-восточные государства стремительно вестернизируются. Это если судить по тем трансформациям, которые мы наблюдаем в экономике, праве, культуре. Азиатскими они остаются по большей части в географическом аспекте.

Основатели евразийства — филолог Н.С. Трубецкой, экономист П.Н. Савицкий, правоведы В.Н. Ильин и Н.Н. Алексеев, историк Л.П. Карсавин и др., как правило, видели Евразию в границах бывшей Российской Империи. Это очень важный момент в понимании феномена евразийства. Замкнутое самодостаточное пространство для них и есть «Россия — Евразия». Россия исторически одновременно стремилась как к изоляции, так и к интеграции. Евразийцы считали Россию правопреемницей Византии.

Сказать, что евразийство было целостным, непротиворечивым явлением, также нельзя. Принято считать, что само евразийство как направление общественно-политической мысли в идейном плане выросло из т.н. сменовеховства. Оно представляло некую группу эмигрантской интеллигенции, которая констатировала победу советской власти как очевидный исторический факт. Название этому движению дал программный сборник «Смена вех»¹.

Объективности ради стоит отметить разобщенность взглядов тех, кто входили в эту интеллектуальную группу. Эти взгляды были довольно аморфными и противоречивыми. По всей видимости, это общая мировоззренческая черта проигравшего политического класса без относительно к стране и историческому периоду. Евразийцы на их фоне были более последовательны, но отнюдь не едины. Да и теоретические построения, политико-правовые идеалы, свойственные евразийцам, не могут претендовать на универсальность, а тем более на их безоговорочное признание. В качестве примера сошлемся на Н.Н. Алексеева, который, по мнению А.Г. Дугина, является столпом «теории евразийского права». Н.Н. Алексеев попытался сформировать государственно-правовой идеал, который можно будет воплотить в жизнь после того, как советская система рухнет. Евразийцы искренне в это верили.

Н.Н. Алексеев, как и многие российские мыслители, отмечал трагическое расхождение между духовной жизнью простого народа и верхушкой общества. Он пишет, что если взять Россию высших классов, то она имеет свою философию права. И эта философия, с его точки зрения, не отличается большой оригинальностью. Она полностью копирует основные постулаты романо-германской правовой традиции. Беда в том, что эта философия права совершенно неизвестна широким народным массам.

Право и государство следует рассматривать в историческом контексте. «В противоположность западной жизни, — констатирует Н.Н. Алексеев, — наше государство сложилось при преимущественном преобладании начала обязанности над началом права»².

На этом, собственно, Алексеев и строит свое представление о государстве будущего. Он иронически относится к «общей теории права», утверждая, что под таковой выдается чисто западная теория права, в которой носителем субъективного права выступает индивид, а не какая-либо коллективная общность, как это было в исторической России. Алексеев противопоставляет западной теории правового государства доктрину «обязательственного государства». Само название говорит

¹ Смена вех: сб. ст.: июль 1921 г. Прага, 1921.

² Алексеев Н. Русский народ и государство. М., 2003. С. 164.

о том, что субъективному праву предшествует обязанность. Иными словами, обязанность индивида первична по отношению к его правам. И эти обязанности вытекают из его долга по отношению к обществу и государству.

Однако не стоит думать, что государство таким образом возводится в абсолют, объект поклонения и обожания. Оно само должно подчиняться определенным ценностям, которые имеют неизменное, вечное значение. Так, в «евразийской теории права» появляется идея «государства правды», «государства справедливости». Оно не имеет ничего общего с чисто формализованным правовым государством, выработанным западной теорией права.

Чтобы быть таковым, государство должно быть православным, для чего необходимо ограничить индивидуальные стремления человека и подчинить их религиозно-государственной правде. В этих целях следует бороться против доминирования материального над духовным. Государство обязано блюсти православие и в конечном счете «возвращать правду на землю».

Конечно, отрицать ценность евразийской политико-правовой идеологии нельзя. Общество нуждается сегодня и в правде, и в справедливости, которые за годы «реформ» подверглись сильной деформации. Тем не менее отказываться от ставших привычными прав и свобод общество не готово. Доктрины мало чем отличаются в постановке целей, а вот способы их достижения порой прямо противоположны. История, в том числе и отечественная, на этот счет накопила много примеров.

Ю.В. Колесниченко, руководитель департамента общегуманитарных дисциплин Московского государственного областного педагогического университета, д-р филос. наук. «Концепция симфонической личности в философии евразийства, в приложении к теории евразийского права»

Тема евразийства и права, евразийской правовой теории как составной части международного права не нова. Безусловно, после ее основателя — евразийца Н.Н. Алексеева в 1920-х годах — о ней писали и пишут современные ученые-теоретики, например В.Н. Жуков³, Р.А. Курбанов⁴, А.В. Ахматов⁵.

Евразийское право имеет своим философско-теоретическим основанием евразийскую теорию цивилизационного развития и евразийскую философию.

Евразийская теория цивилизационного развития базируется на социально-философской и социально-психологической теории развития культур князя Н.С. Трубецкого, который в эмиграции издал книгу «Европа и человечество»⁶. Эта небольшая книга — манифест цивилизационной самобытности, программа культурной эволюции мультинациональной и мультиконфессиональной России в ее политическом, экономическом, правовом и иных направлениях. Именно в этой книге заложены основы цивилизационного подхода: принцип полицентричности, уничтожающий теоретическую основу *права* западной цивилизации на однополярность. Таким образом, именно в евразийской теории впервые был достигнут теоретический предел т.н. *универсального международного*, а по сути, *западного права*.

Евразийская философия имеет главным концептом и главным теоретическим остовом своей теории познания понятие *ЛИЧНОСТЬ*⁷. Основу евразийской философии заложил русский религиозный философ Л.П. Карсавин. Он издает в Литве в 1929 г. (после высылки из Советской России в 1922 г.) книгу «О личности»⁸, в которой излагает философскую теорию личности евразийства. Автор утверждает, что абсолютно любое антропологическое, т.е. человекомерное, образование (не только единичное, в терминах Карсавина, индивидуальное), но и социальное единение личностей по различным *органическим* (естественно складывающимся) основаниям (такие как семья, народ, государство, Церковь) можно и должно называть Личностью. Личности разного толка (социальные личности) живут своими отдельными жизнями, имеют свой собственный уникальный лик, свой характер, свою судьбу. К ним не применима логическая операция образования множества из суммы однопорядковых его элементов. К ним прилагается лишь *органическая логика*, логика единичного объема (автор Вл. Соловьев), по основаниям которой каждая личность есть личность отдельная и единственная в своем роде, ее нельзя ни по какому основанию свести в множество таких же личностей. Ее заведомая сущностная уникальность делает необходимым приписать единичности объему понятия, в которое она входит единственным же своим числом. А потому необходимо за каждой такой *личностью* признавать свое *право* на самость, на отдельность, на уникальность.

Теория «симфонической личности» Л.П. Карсавина, которая обозначает границы новой по тем

³ См.: Жуков В.Н. Ценность человека в контексте евразийской правовой культуры // Государство и право. 2020. № 11. С. 167, 168.

⁴ См.: Курбанов Р.А. Евразийское право в системе права Российской Федерации // Междунар. право. 2017. № 2. С. 45–65.

⁵ См.: Ахматов В.Н. Проблема философии права евразийства. М., 2015.

⁶ См.: Трубецкой Н.С. Европа и человечество. София, 1920; см. также: Маслин М.А. У истока евразийства. К 100-летию опубликования книги князя Николая Трубецкого «Европа и человечество» // Философский журнал. 2019. Т. 12. № 4. С. 161–178.

⁷ См.: Колесниченко Ю.В. Личность в евразийстве: гносеологические основания. М., 2008.

⁸ Карсавин Л.П. О личности. Kaunas, 1929 (Commentationes ordinis philologorum universitatis lituanae; Lib. 5, III).

временам онтологической и гносеологической картины мира, предполагает объект и субъект едиными в наличном бытии. Так, Карсавин в книге «О личности» (в главе «Симфоническая личность») пишет следующее: «Различая индивидуальную и симфоническую, в частности же — социальную, личность, мы уже различаем индивидуальные и симфонические качества, которые осуществляются не иначе, как в индивидуумах. Если более или менее значительная группа людей “охвачена” “одним” чувством, познает один и тот же предмет, утверждает “одну” этическую или правовую норму, перед нами — симфоническое и социальное качество. В каждом данном случае качество (проявление этой личности вовне. — Ю.К.) одно..; но оно всегда многообразно, всегда является многоединством...»⁹.

В социальной личности, утверждает Карсавин, «мы, личности индивидуальные, не умираем, но, напротив, предстаем “более богатыми жизнью — как личности-моменты высшей социальной личности”»¹⁰. По его мнению, каждый из нас индивидуирует, «восходя» до социальной личности, «и делает “своим ее тело”, которое остается ее телом, или нашим “общим” социальным телом»¹¹.

Так решает вопрос о соотношении индивидуального и социального Карсавин на уровне теории познания, говоря о симфонически-социальном теле как о «всем мире»¹². «У всякой социальной личности есть основное ее задание или... основная ее функция. От многообразия и полноты этой функции зависит и полнота самой социально-личной жизни. Так народ и семья определяются очень обширными, почти всеобъемлющими заданиями»¹³. Такая личность есть статическая, или органическая личность. Личности несовершенно и иерархичны. Умирание социальной личности не означает гибели личностей иного социального наполнения. Иные оживают после состояния длительного анабиоза. По Карсавину, «необходимо понять индивидуальную личность как... “место” перехода одних социальных личностей в другие и как “скрещение” многих социальных личностей»¹⁴.

Применительно к области правовых отношений теория личности Карсавина есть определенный алгоритм межсубъектной коммуникации, где Субъект не есть, в западном смысле, лишь один из единообразных участников правового процесса.

⁹ Карсавин Л. П. О личности // Карсавин Л. П. Религиозно-философские сочинения. М., 1992. Т. 1. С. 113 (Памятники религиозно-философской мысли).

¹⁰ Там же. С. 150.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 161.

¹³ Там же. С. 177.

¹⁴ Там же. С. 180.

Личность — элемент не межсубъектной, но супраличностной коммуникации, носитель правовой реальности, равноправная в своей уникальности и несводимости к простому арифметическому целому правового процесса индивидуация.

Личность в правовом поле есть, таким образом, понятие, наделенное большим смысловым объемом, чем понятие Субъект. Оно не только отражает момент поступательности (субъект — это поступающий, действующий индивид), но и ценностный, аксиологический, телеологический (целеопределяющий и целеполагающий) и иные аспекты человеческой сущности: меру ответственности, аксиологическую насыщенность существования, уникальное смысловое наполнение ее действия, особый рисунок ее жизнедеятельности.

На основании именно философско-теоретического базиса евразийскую теорию права можно отнести к подотрасли международного регионального права не только с точки зрения вхождения в его поле стран, территориально относящихся к географическому региону Евразия. Более важным является здесь элемент самостоятельности (автаркичности) евразийского правового интереса, «вопрос ограничения региональных организаций от международных универсальных организаций... пропаганда в мире общевразийских ценностей и повышение роли евразийского полюса на мировой арене»¹⁵, как отмечает Р.А. Курбанов. Важнейшим — «личностным» — способом создания региональных (Евразийских) объединений государств является, таким образом, единение равноправных *государств-личностей* в едином супраличностном образовании.

Р.А. Курбанов утверждает, что «региональные процессы, происходящие как в Евразии, так и в других регионах мира, в правовой сфере требуют уже не прикладных, инструментальных, функциональных или иных аналогичных аспектов, а расширения границ правопонимания данного явления»¹⁶, т.е. его теоретической — парадигмальной — составляющей. В этом вопросе, бесспорно, может и должна помочь евразийская философия личности, конкретно — теория «симфонической личности» Л.П. Карсавина.

В. Н. Жуков, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, д-р юрид. наук, д-р филос. наук, проф. «Евразийство: современное прочтение»

Концепция евразийцев — одна из наиболее оригинальных в русской духовной истории, которая

¹⁵ Курбанов Р.А. Указ. соч.; см. также: Трубецкой Н.С. Указ. соч.

¹⁶ Курбанов Р.А. Указ. соч.

и до настоящего времени продолжает быть предметом анализа и острых дискуссий. Евразийцы подняли огромный пласт русской истории и культуры, создав учение, многое объясняющее в характере русского народа и его целеполагающей деятельности. Несмотря на глубину теории евразийства, многие ее положения остаются на положении гипотез (например, роль монголов в русской истории), хотя и работающих.

Концепция евразийцев в высшей степени оригинальна, но и у нее были совершенно определенные истоки. В России это: славянофилы, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, веховство, идеология и практика Советского государства. Идейные истоки на Западе: О. Шпенглер (философия культуры), К. Хаусхофер (геополитика), идеология и практика итальянского фашизма.

Если попытаться классифицировать евразийское учение, то оно является разновидностью русского консерватизма, русского национализма и русского империализма, что требует пояснения.

Консерватизм есть мировоззренческая установка, согласно которой ценности, нормы и институты, сформированные ранее, могут и должны быть опорой существующих общественных отношений. Русский консерватизм складывался как реакция на разложение феодализма, угрозу революции, утрату правящими сословиями (дворянство и духовенство) своих привилегий и появление новой светской культуры. Евразийцы шли главным образом за славянофилами, которые были нацелены на поиск аутентичной русской цивилизации в ее истоках. Если славянофилы искали критерии подлинной русской государственности и культуры в домонгольской Руси, то евразийцы видели их в истории скифов, гуннов и монголов. В качестве консерваторов евразийцы были убеждены, что основы самобытной русской культуры и государственности можно отыскать только в прошлом.

Причисление учения евразийцев к разряду русского национализма может вызывать протест, так как понятие национализма за последние 200 лет его использования стало крайне затертым и потрепанным. Национализм — понятие крайне широкое, но одно из его главных значений — это сохранение, развитие и защита национальной культуры как основы национальной государственности. В этом смысле и славянофилы, и почвенники, и евразийцы — типичные националисты. Для евразийцев русская культура и русская государственность — это высшие категории, главные смысловые модели, которыми следует руководствоваться российской власти, российскому обществу и гражданам России. Начиная с эпохи Московского царства, важным компонентом русского национализма было

антизападничество, в чем евразийцы достигают своеобразного апогея.

Под русским империализмом в русской философской и политической публицистике конца XIX — первой половины XX в. обычно понималась идея русского имперского государства, дополненная идеей русского православного мессианизма. Сформировавшееся в эпоху Московского царства русское имперское сознание отражало мессианизм русского народа и русского государства. Учение евразийцев стало еще одной попыткой обосновать объединительную роль русского народа и русского государства. Евразийцы утверждали, что Европа и Азия (окраины Старого Света) связаны между собой исключительно благодаря евразийскому континенту (России). Если устранить этот объединительный центр, то вся система материковых окраин (Европа, Передняя Азия, Иран, Индия, Индокитай, Китай, Япония) распадется. Только в той мере, в какой Россия выполняет интегрирующую роль, снимается противостояние Востока и Запада. Таким способом подводилась теоретическая платформа под активную внешнеполитическую деятельность русского государства, начатую, с точки зрения евразийцев, еще русскими царями и продолженную советской властью.

Политическая теория евразийцев — самый слабый элемент в их учении, так как почти полностью является заимствованной из идеологии и практики большевизма (в большей степени) и итальянского фашизма (в меньшей степени). Представляет известный интерес их теория идеократического и демотического государства. Вместе с тем видны и политические корни этих теорий. Теория идеократии есть отражение практики современного государства, где благодаря средствам массовой коммуникации идеология становится ее стержнем. Теория демотического государства — это традиционная (еще с Гегеля и Маркса) идея политического отчуждения. Анархисты, либералы, марксисты, а в XX в. еще и фашисты разных мастей критиковали буржуазное государство за отрыв от народа и требовали их сближения. Опыт стран «реального» социализма и фашистских диктатур показал, что такое сближение оборачивается установлением тоталитаризма. Реализация политических идей евразийцев также с неизбежностью породила бы тоталитаризм.

Э.Г. Задорожнюк, зав. отделом современной истории Института славяноведения РАН, д-р ист. наук; И.Е. Задорожнюк, Международная педагогическая академия, д-р филос. наук

Изучение евразийства не уходит из поля зрения отечественных и зарубежных ученых вследствие сравнительно недавно прошедшей и текущей истории. Множество ее истолкований, включая

бездумные восхищения и не всегда аргументированную критику, наблюдаются, на наш взгляд, ввиду того, что в недостаточной мере изучены условия возникновения, а также судьбоносные причины и отдаленные следствия данного комплекса идей. Инициатива встречи философов, историков и юристов в этом плане особо значима, потому что призывы к исходу на Восток¹⁷ нуждаются в комплексных и одновременно глубинных интерпретациях. Особенно их государственно-правовые идеи, интеллектуальная востребованность которых не подлежит сомнению, но и строгая экспертиза тоже.

Идеологический отдел ЦК КПСС со всей тщательностью отслеживал процессы идеологических столкновений до и особенно после 1989 г., а заодно накатывавшие волны евроатлантизма, принимавших иногда ураганный характер и смылавших то предместье СССР, а именно страны Центральной и Юго-Восточной Европы, то и уже его территории. Как это происходило в каждой из стран региона, показано, в частности, в вышедшем коллективном труде «Новая элита в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: политические портреты. Конец XX — начало XXI в.»¹⁸.

Пришлось изучать и идейные барьеры на пути этих волн, связанные с евразийством, в статьях «Предвосхищение евразийства»¹⁹, в которой затрагивались процессы поиска идей такого порядка в трудах В.И. Ламанского и К.Н. Леонтьева, Андрея Белого, А. Блока, и «Неуслышанные споры: евразийцы о судьбах славянства»²⁰, где утверждалось, что у евразийцев, которых часто именовали эпигонами позднего славянофильства, как раз славянский вопрос выпадал из поля зрения, а по сути, выражался в нового рода воззрениях. Упомянем еще две работы: «Евразийский концепт “месторазвитие”: северокавказская составляющая»²¹ и «Евразийцы в Крыму и о Крыме»²², которые побуждают к более тщательному рассмотрению концепта

микроЕвразия. Что имеется в виду? Известно, что Предкавказье и Крым служили своеобразными пересадочными пунктами передвижения народов с Востока на Запад, а также местом образования таких государственных образований, как Боспорское царство (480 г. до н.э. — начало VI в. н.э.), Хазарский каганат (650–969 гг.), равно как древнегреческие, римские и европейские (в основном генуэзские с 1206 г. по конец XIV в.) колонии в Северном Причерноморье. Как раз на тех землях, которые мы рискуем поименовать микроЕвразией и через которые проходили в 1917–1920 гг. евразийцы — Н.С. Трубецкой (лечился в Кисловодске и оказался в Ялте), К.Н. Чхеидзе (шел с боями от Царицына до Поти и плыл до Феодосии), а также С.Я. Эфрон и, по-видимому, П.Н. Савицкий. А дальше — Стамбул (он же Царьград и Константинополь) и Европа.

В своей небольшой, но емкой мыслями о прошлом и будущем работе о кочевниковедении П.Н. Савицкий поставил задачу глубинного изучения процессов перемещения множества народов через указанную микроЕвразию. Менее известно то, что именно в этих регионах шли не только бои, но и активное переосмысление судеб России — и не на началах интернационализма (или интернационализма особого извода). Эти размышления, включая поиск новых государственно-правовых основ существования России, на наш взгляд, начались с 1914 г. и к 1920 г. предельно обострились. Начиная от рассуждений относительно того, почему же «Вилли» пошел походом на «Ники» (так именовали друг друга императоры Николай и Вильгельм), и заканчивая осуждением холодности «Джорджи» (их родственника короля Великобритании Георга, не предпринявшего мер по спасению царской семьи), равно как уклончивостью Европы в поддержке Колчака, Деникина и Врангеля.

Все это не могло не послужить мотивирующим фактором обращения к Востоку незаурядной группы мыслителей, оказавшейся на Западе: и авторов сборника «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев»; и идеологов движения, включая правоведа Алексея, и евразийцев второго призыва (в том числе нашедших свою смерть в России князя Д.П. Святополк-Мирского и выходца из еврейских кругов Эфрона). Может, в полной мере аргументированных государственно-правовых идей в русле евразийства им и не удалось предложить — ведь они до 1914 г. изучали римское право и его западноевропейские изводы, а в ходе двух войн (Первой мировой и Гражданской) было не до его изучения, а точнее — такое оказалось гораздо усложненным.

Но уроки недоверия к Западу они прошли и усвоили во всей полноте. Это побуждало и побуждает прислушаться к темпоритмам в ходе

¹⁷ В 2021 г. отмечалось 100-летие выпуска сборника статей «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (София, 1921) первооснователей течения — практически всех евразийцев, вынужденных двинуться в Европу, а затем и в Америку (исключая культуролога В.Н. Иванова, оказавшегося в Харбине, но скончавшегося в Хабаровске).

¹⁸ Новая элита в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: политические портреты. Конец XX — начало XXI в. / отв. ред. К.В. Никифоров. СПб., 2022.

¹⁹ Задорожнюк Э.Г. Предвосхищение евразийства // Диалог со временем. 2016. Вып. 57.

²⁰ Задорожнюк Э.Г. Неуслышанные споры: евразийцы о судьбах славянства // Вопросы истории. 2016. № 7.

²¹ Задорожнюк Э.Г. Евразийский концепт «месторазвитие»: северокавказская составляющая // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 1.

²² Евразийцы в Крыму и о Крыме // Таврия литературная. 2019. № 4.

указанной истории идей, а на уровне сдвигов идеологических предпочтений и поисков новых государственно-правовых форм осмыслить их со всей тщательностью. Что позволит глубже уяснить специфику процессов очарования евроатлантизмом, которое охватывало оппозиционные и диссидентские круги в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, а затем и новые политические элиты. Накатам евроатлантизма в области того, что ранее небеспричинно именовалось идеологической борьбой, нужно было противостоять, отсюда и повышенное (а в чем-то завышенное) внимание к евразийству.

Итак, в нашем концепте микроЕвразии выдвигается на обсуждение с целью уяснения хода и сути процессов становления идей евразийства и во многом латентного поиска способов идеологического дистанцирования от Запада. Правда, и для евразийцев первых призывов, и для неоевразийцев многие продуцированные ими идеи можно объяснить метафорой немецких дипломатов Treppenwitz (мудрость на лестнице), которая указывает на то, что самые умные мысли приходят после окончания встречи при выходе на лестницу.

Но, на наш взгляд, термин «микроЕвразия» для понимания условий возникновения изучения того, что П.Н. Савицкий назвал «месторазвитием» идей евразийства, допустим и даже необходим. Предкавказье, особенно Крым, предстают в данном ракурсе тем тиглем, где происходила переплавка многих идей государственно-правового характера в период с 1917 по 1920 г. И как раз это условное место именно в указанный период было весьма значимо как для личных судеб евразийцев, так и для понимания общего их мировоззрения.

В этом плане призывы евразийца-правоведа Алексеева к устройству «государства-правды» и сегодня звучат особенно убедительно на фоне той лжи, которую продуцируют государства Запада.

О.В. Кадышева, и.о. зав. кафедрой международного права, канд. юрид. наук, доц. «Магия права Евразийского экономического союза»

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) представляет собой международную организацию региональной экономической интеграции, которая обладает международной правосубъектностью, имеет наднациональные институты — Евразийскую экономическую комиссию и постоянно действующий суд — Суд Евразийского экономического союза (Суд ЕАЭС). С уверенностью можно утверждать, что в ЕАЭС сформирован собственный правовой порядок и осуществляется наднациональное регулирование. При этом подходы к наднациональному регулированию в Договоре о Евразийском экономическом союзе (Договор о ЕАЭС) не определены и выработаны в практике Суда ЕАЭС. Судом ЕАЭС, в частности, выработаны правовые позиции

о приоритете права Союза над национальными правовыми актами, о непосредственном действии актов Комиссии и о верховенстве конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Правопорядок ЕАЭС отличается от норм остальных международных организаций тем, что в него входят не только учредительный договор и решения и распоряжения органов организации, но и принимаемые этими органами нормативные акты общего характера, которые должны действовать непосредственно в национальных правовых системах государств — членов ЕАЭС, замещая национальные правовые акты в соответствующей сфере интеграции.

Применительно к правовому порядку ЕАЭС нельзя не остановиться на статусе частных лиц, поскольку в международном публичном праве круг субъектов четко ограничен, а роль частных лиц полностью нивелирована. Подход же к кругу субъектов в интеграционных объединениях не может быть аналогичным подходу в общем международном праве, поскольку и сами интеграционные объединения являются субъектами международного права особого рода. В интеграционных объединениях акты непосредственного применения будут применяться всеми субъектами внутреннего права государств — членов такого объединения, в том числе и частными лицами, в отношении как частных лиц с государством (по вертикали), так и между собой (по горизонтали). В этой связи объективные предпосылки для признания правосубъектности частных лиц в правовом порядке ЕАЭС уже созданы, осталось нормативно признать правосубъектность частных лиц и создать эффективные механизмы защиты их прав, в том числе путем расширения юрисдикции Суда.

Кроме того, в каждом из интеграционных правовых порядков проявляются свои особенности общих принципов права. Например, общие принципы широко используются и упоминаются в практике Суда Европейского Союза. Они выполняют тройственную функцию. Во-первых, они позволяют Европейскому Суду устранять нормативные пробелы, оставленные либо авторами договоров, либо законодательной властью ЕС. Таким образом, функция «заполнения пробелов» общих принципов обеспечивает автономность и согласованность правовой системы ЕС. Во-вторых, общие принципы используются для целей толкования норм права ЕС (например, принцип пропорциональности), служат помощником в толковании, поскольку нормы как ЕС, так и национального права, подпадающие под сферу действия права ЕС, должны толковаться в свете этих принципов. И наконец, общие принципы права ЕС используются для проверки судами законности актов ЕС и национальных норм. Так, нормативные акты ЕС, противоречащие

принципам права ЕС, подлежат отмене, а национальные нормы, противоречащие принципам права, не должны применяться национальными судами стран — членов ЕС. ЕАЭС во многом воспринимает опыт ЕС, поэтому в практике Суда ЕАЭС мы также обнаруживаем ссылки на принципы права. Несмотря на то что Статут Суда ЕАЭС в п. 50 не содержит упоминания собственных общих принципов права ЕАЭС, указывая лишь общепризнанные принципы и нормы международного права, квалификация «общего принципа права Союза» была использована Судом ЕАЭС в консультативном заключении по делу о государственных закупках (Консультативное заключение от 11.01.2021 г. по делу Р-3/20) в качестве инструмента толкования, а в деле о вертикальных соглашениях (Консультативное заключение от 04.04.2017 г. по делу Р-1/17) и деле по заявлению ОДО «Доминантафарм» (Решение Коллегии Суда от 19.05.2021 г. и Апелляционной палаты от 16.07.2021 г. по делу С-2/21 ОДО «Доминантафарм») принцип правовой определенности использовался Судом Союза уже в качестве нормативного стандарта, на соответствие которому проверялись решения Комиссии и нормативно-правовые акты государств-членов.

Учитывая международно-правовую природу ЕАЭС, обязательно возникает вопрос о соотношении правопорядка ЕАЭС и общего международного права. Можно ли в настоящее время ставить вопрос об автономности правопорядка ЕАЭС? Автономность в понимании Суда Европейского Союза означает полную обособленность и независимость права ЕС от национального и международного права и приоритет норм Договора над другими нормами международного права, включая Устав ООН, непризнание существования *jus cogens*. Автономность в понимании Комиссии международного права и Международного Суда ООН — группа норм и принципов, касающихся какого-либо отдельного вопроса, который может образовывать специальный режим («автономный режим») и быть применимым в качестве *lex specialis*. На наш взгляд, правопорядок ЕАЭС есть часть международного права, что подтверждается и практикой Суда ЕАЭС, который полностью действует в парадигме международного права, при разрешении споров оперирует категориями международного права, включая правила толкования международных договоров, предусмотренных Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 г.

Почему магия правопорядка ЕАЭС? Благодаря магии можно попасть из одного мира в другой, но магия не в самих вещах, а в отношениях между самыми обыкновенными вещами, поэтому в силу права ЕАЭС у нас появляется уникальная возможность ощутить на себе действие международного права.

Г.А. Василевич, зав. кафедрой конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, д-р юрид. наук, проф. «Право граждан государств Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на обращения в органы ЕАЭС»

Одно из фундаментальных прав граждан — их право на обращения в государственные и общественные органы. Право на обращение относится к числу тех субъективных прав, надлежащая реализация которых «является гарантией обеспечения всего комплекса существующих прав и свобод».

Следует отметить, что граждане нередко реализуют свое право на обращение в международные инстанции — структуры ООН, Европейский Суд по правам человека и др. Вместе с тем полезно было бы предусмотреть механизм защиты прав граждан, юридических лиц в рамках тех межгосударственных образований, в которые входят государства бывшего СССР. Эффективная система защиты прав и их быстрого восстановления могла бы принести значительную помощь в становлении наших государств в качестве правовых, влекла бы меньше издержек, чем это имеет место сейчас, когда, например, отдельные государства вынуждены выплачивать огромные суммы денежной компенсации или испытывать моральные издержки в связи с высказанными в их адрес претензиями по поводу допущенных нарушений.

Полагаем, что в рамках Евразийского экономического союза должна быть отработана модель защиты экономических прав и интересов граждан и юридических лиц государств, входящих в ЕАЭС. Ведь цель этого Союза — укрепление и развитие экономических связей. Важно определить порядок взаимодействия указанных субъектов с органами ЕАЭС. Государство-член в случае несогласия с решением, принятым Советом Комиссии по результатам рассмотрения вопроса об отмене решения Коллегии Комиссии или внесении в него изменений, либо в случае истечения предусмотренного в Положении срока, но не позднее 30 календарных дней с даты официального опубликования решения Совета Комиссии, может направить в Комиссию письмо за подписью главы правительства с предложением о внесении соответствующего вопроса на рассмотрение Межправительственного совета и (или) Высшего совета.

Согласно п. 39 Статута Суда Евразийского экономического союза Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза по заявлению хозяйствующего субъекта:

о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего

субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта;

об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Для целей настоящего Статута под хозяйствующим субъектом понимается юридическое лицо, зарегистрированное в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства, либо физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя согласно законодательству государства-члена или третьего государства.

Таким образом, в Договоре не вполне четко предусмотрено право граждан государств ЕАЭС обращаться в органы ЕАЭС. Особенно важно регламентировать порядок обращений в ЕЭК, так как Комиссия принимает те решения экономического характера, которые в существенной степени затрагивают права субъектов хозяйствования, а значит, и граждан.

Полагаем, что при отсутствии специального правового акта в рамках ЕАЭС, решающего указанный вопрос, можно было его основательно решить в Регламенте работы ЕЭК. Причем в нем не следует ограничиваться только запросами самой ЕЭК или ее членов. Практика складывается так, что по поручению Совета или по собственной инициативе как Коллегия, так и сами члены Комиссии могут запрашивать у органов власти Сторон, юридических и физических лиц информацию, необходимую для осуществления Комиссией своих полномочий. Обеспечение предоставления запрашиваемой информации в установленные сроки (не более 30 дней с даты получения ими такого запроса) возлагается на органы исполнительной власти Стороны Договора. Однако полагаем, что и субъекты хозяйствования в некоторых случаях могли бы непосредственно обращаться в ЕЭК. Например, тогда, когда на национальном уровне исчерпали возможности защиты своих прав.

Отказ в направлении рассмотрения инициативного обращения в органы ЕАЭС может быть оспорен в национальном суде.

А.Н. Попова, консультант экспертно-аналитического отдела Секретариата Суда ЕАЭС, канд. юрид. наук; А.В. Королева, консультант экспертно-аналитического отдела Секретариата Суда ЕАЭС. «Влияние решений и консультативных заключений Суда ЕАЭС на правоприменительную практику российских судов»

Суд Евразийского экономического союза представляет собой постоянно действующий наднациональный судебный орган регионального интеграционного объединения, целью деятельности которого является обеспечение единообразного применения государствами-членами и органами ЕАЭС права Союза. Единообразие правоприменения достигается Судом ЕАЭС, в том числе путем толкования норм права Союза с целью восполнения пробелов правового регулирования. При этом Суд не создает новую правовую норму, но формулирует правило, учитываемое как в последующих актах Суда, так и в правоприменительной практике государств — членов Союза, в частности, посредством восприятия правовых позиций Суда ЕАЭС судебными органами. Именно поддержка национальными судами правовой позиции наднационального суда имеет первоочередное значение для ее утверждения в судебной практике²³.

Анализ судебной практики национальных судов — на сегодняшний день один из главных способов оценить, насколько решения и консультативные заключения Суда ЕАЭС и формулируемые в них правовые позиции оказывают влияние на правоприменительную практику государств-членов.

Что касается российских судов, то Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 26 ноября 2019 г. № 49²⁴ признал, что «при толковании и применении норм права Союза, принятых в сфере таможенного регулирования, судам следует учитывать акты Суда ЕАЭС...». Исполняя это правило, суды широко применяют акты и правовые позиции Суда ЕАЭС. Рассмотрим соответствующие примеры за 2020–2022 гг.

1. Учет правовых позиций, сформулированных в решениях Суда ЕАЭС

Двадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 29 сентября 2022 г. № 20АП-6229/2022 по делу по заявлению ООО «СтройДиам» отклонил аргументы заявителя о классификации товаров

²³ См.: *Нешатаева Т.* Суд Евразийского экономического союза: от правовой позиции к действующему праву // *Международ. правосудие.* 2017. № 2 (22). С. 75.

²⁴ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 г. № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза» // СПС «КонсультантПлюс».

в экспортных декларациях, а также отсылку к классификационному решению таможенно-пограничной службы США о классификации товара в той же товарной позиции, что и была указана декларантом, сославшись на правовую позицию, изложенную в решении Суда ЕАЭС от 15 февраля 2021 г. *по делу ООО «Монокристалл»*. Согласно данной правовой позиции, участники Конвенции о Гармонизированной системе обладают дискрецией по классификации отдельных видов товаров, что не исключает различные подходы к их отнесению в определенные товарные субпозиции и подсубпозиции; практика других государств по отнесению товара в определенную субпозицию и подсубпозицию таможенно-тарифной номенклатуры не является обязательной при вынесении решения о классификации отдельного вида товара.

Другим примером является решение *Арбитражного суда Краснодарского края от 16 июля 2020 г. по делу № А32-5955/2020 по заявлению ООО «Русский гриб»* об оспаривании решения таможенного органа о классификации товара. Арбитражный суд, подтверждая обоснованность вынесенного решения, ссылаясь на правовую аргументацию Суда Союза, изложенную в решении Коллегии Суда от 4 апреля 2016 г. *по делу ЗАО «Дженерал Фрейт»*, приводя сразу несколько правовых позиций Суда Союза. В частности, универсальное правило о том, что критерием для классификации товара также является его предполагаемое назначение, которое подлежит оценке на основании объективных характеристик и свойств товара, и правовую позицию, согласно которой использование в тексте Пояснений к товарной позиции 8418 словесной конструкции «в основном» позволяет сделать вывод о том, что свойство поддержания температуры выше 0 °С не является основанием для исключения соответствующего холодильного оборудования из товарной позиции 8418 ТН ВЭД.

Анализ приведенных дел и другой практики российских судебных органов свидетельствует об учете правовых позиций Суда ЕАЭС, особенно в делах, касающихся таможенных правоотношений.

2. Учет правовых позиций, сформулированных в консультативных заключениях Суда ЕАЭС

В *Определении от 17 июня 2020 г. № 303-ЭС20-816* Верховный Суд РФ привел правовую позицию Суда ЕАЭС, изложенную в *Консультативном заключении от 20 декабря 2018 г. по делу о пенсионном обеспечении должностных лиц и сотрудников органов Союза*, в подтверждение недопустимости придания обратной силы решениям ЕЭК, ухудшающим положение физических и (или) юридических лиц.

Верховный Суд РФ также сослался на *Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 30 октября 2017 г. (дело о свободном движении товаров)*, указав на допустимость введения в одностороннем порядке государствами — членами ЕАЭС в целях

обеспечения безопасности ограничений даже во взаимной торговле, а также важность применения любых мер на пропорциональной основе²⁵.

Таким образом, несмотря на рекомендательный характер консультативных заключений Суда ЕАЭС (п. 98 Статута Суда ЕАЭС), правовые позиции, сформулированные в них, оказывают влияние на формирование практики национальных судов. Ценностный посыл несут не сами решения и не консультативные заключения Суда ЕАЭС, а правовые позиции, в них отраженные²⁶, значение имеет характер правовых позиций, нежели степень юридической обязательности судебного акта.

3. Акты суда ЕАЭС не являются основанием для пересмотра, а также отмены или изменения решений национальных судов Российской Федерации

В *Определении от 10 февраля 2022 г. № 191-О по жалобе, поданной в интересах ООО «Производственное предприятие «Ремдизель»»*, Конституционный Суд РФ указал, что участие Российской Федерации в межгосударственных объединениях, предполагающих создание межгосударственного судебного органа, не означает, что в ее национальном законодательстве в обязательном порядке должен предусматриваться пересмотр решений внутригосударственных судов на основе актов межгосударственного суда.

Конституционный Суд РФ признал отсутствие оснований для автоматического распространения на решения любых межгосударственных судебных органов, в том числе на решения Суда ЕАЭС, правовых позиций, которые были ранее высказаны им в отношении актов Европейского Суда по правам человека в *Постановлении от 26 февраля 2010 г. № 4-П*, в котором Конституционный Суд РФ признал схожую норму ч. 2 ст. 392 ГПК РФ, содержащую основания для пересмотра решений по вновь открывшимся обстоятельствам, как допускающую пересмотр вступивших в силу решений судов на основании постановлений ЕСПЧ, выявившего нарушение национальными судами норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Конституционный Суд РФ также пришел к выводу, что акты Суда ЕАЭС о признании по заявлению хозяйствующего субъекта решений Комиссии или отдельных их положений не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза не только не обладают ретроактивным

²⁵ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 05.11.2020 г. № 309-ЭС20-6309 по делу № А76-43058/2018.

²⁶ См.: Сейтимова В.Х. Роль консультативных заключений Суда ЕАЭС в развитии права Союза и евразийской интеграции // Пять лет Договору о Евразийском экономическом союзе: роль Суда: Междунар. конф. (19–20 сентября 2019 г., г. Минск): сб. материалов / редкол.: А.С. Бугаева [и др.]. Минск, 2020. С. 122.

значением, но и сами по себе непосредственно не влекут отмены (недействительности) указанных решений или отдельных их положений²⁷.

Вопрос о том, может ли решение Суда ЕАЭС являться основанием для отмены или изменения обжалуемых судебных актов, был рассмотрен Верховным Судом РФ²⁸.

ООО «Торговый дом «СДС-Трейд»» обратилось с кассационной жалобой в Верховный Суд РФ, указав, что товарная подсубпозиция, в которой таможенный орган классифицировал ввезенные товары, изначально была включена в товарную номенклатуру с нарушением действующего законодательства, что было установлено Судом ЕАЭС по делу АО «СУЭК-КУЗБАСС»²⁹.

Верховный Суд РФ, рассмотрев жалобу общества, отметил, что признание Судом ЕАЭС решений ЕЭК не соответствующими праву Союза не влечет их автоматическое изменение или утраты ими силы. Суд также подчеркнул, что правовое регулирование спорных правоотношений с 1 января 2022 г. осталось неизменным, так как в новой редакции ТН ВЭД ЕАЭС по-прежнему содержится соответствующая подсубпозиция.

Верховный Суд РФ заключил, что указанные судебные акты Суда ЕАЭС не свидетельствуют о незаконности классификации таможенным органом спорного товара и не могут являться основанием для отмены или изменения обжалуемых судебных актов.

Таким образом, на основе приведенной судебной практики российских судов можно сделать следующие выводы:

учет правовых позиций Суда ЕАЭС национальными судами способствует достижению цели по выработке правил единообразного применения права Союза;

несмотря на рекомендательный характер консультативных заключений, сформулированные в них правовые позиции оказывают влияние на формирование национальной правоприменительной практики;

²⁷ Аналогичный подход прослеживается в Определении Конституционного Суда РФ от 21.07.2022 г. № 1972-О по жалобам АО «СУЭК-Кузбасс» и ООО «Электронная таможня», а также в Определении Конституционного Суда РФ от 31.03.2022 г. № 689-О по жалобе АО «Шахтоуправление «Талдинское-Кыргайское»».

²⁸ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.01.2022 г. № 304-ЭС21-16661 по делу № А27-12875/2020.

²⁹ Суд ЕАЭС признал не соответствующими праву Союза решение Коллегии ЕЭК от 10.09.2015 г. № 113 и решение Совета ЕЭК от 18.10.2016 г. № 101 в части включения в ТН ВЭД ЕАЭС и ЕТТ ЕАЭС подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные».

поскольку акты Суда ЕАЭС не являются основанием для пересмотра решений национальных судов, хозяйствующий субъект может фактически лишаться возможности восстановить свои нарушенные права;

в качестве одного из возможных решений сложившейся ситуации считаем возможным предложить закрепление в национальном процессуальном законодательстве в качестве нового обстоятельства для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов вынесение решения Судом ЕАЭС, изменяющего практику применения правовой нормы.

Н.В. Сидорова, ассоциированный профессор кафедры конституционного и международного права юридического факультета Карагандинского университета им. Е.А. Букетова. «Вопросы гармонизации национального законодательства на евразийском пространстве: проблемы и перспективы»

Интеграционные процессы на евразийском пространстве характеризуются многоуровневой направленностью, включающей универсальное сотрудничество на пространстве СНГ, экономическое сотрудничество в рамках ЕАЭС, военно-политическое сотрудничество в структуре ОДКБ, а также сотрудничество на площадке ШОС. Функционирование обозначенных интеграционных структур имеет общую цель — гармонизацию и унификацию законодательства стран-участников.

Суть вопросов может быть сведена к следующим тезисам.

1. Разноскоростная и разноуровневая имплементация международных договоров во внутригосударственное право влияет на процессы гармонизации законодательства. Например, международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства (правовая помощь по уголовным делам) базируется на международных договорах и уголовно-процессуальном законодательстве государств. На пространстве СНГ важнейшим документом в данной области является Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г., процедура ратификации, которая затянулась на десятилетия. К примеру, Республика Казахстан ратифицировала Конвенцию в 2004 г.³⁰, а Российская Федерация — 30 декабря 2021 г.³¹

³⁰ См.: Закон Республики Казахстан от 10.03.2004 г. № 531 «О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000531> (дата обращения: 20.11.2022).

³¹ См.: Федеральный закон от 30.12.2021 г. № 452-ФЗ «О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36367740 (дата обращения: 20.11.2022).

Ранее автор детально проводил сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства государств Евразийского региона, основные рекомендации в сфере гармонизации законодательства направлены на новацию модельного законодательства, а также ускорение процессов имплементации положений Конвенции во внутреннее право государств³².

2. На пространстве ЕАЭС правовой регулятор реализации провозглашенных свобод (передвижения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы) базируется на внутригосударственных правовых актах, регулирующих различные аспекты предпринимательской деятельности. На примере Республики Казахстан отметим, что важнейшим инструментом гармонизации законодательства в сфере предпринимательства является Предпринимательский кодекс РК, принятие которого стало результатом кодификации и имплементации положений большого количества действовавших ранее законов.

Положения Предпринимательского кодекса РК по вопросам регулирования основных свобод ЕАЭС могут быть объединены в две группы: 1) правовые новеллы, направленные на либерализацию отечественного законодательства и его гармонизацию с правом ЕАЭС и ОЭСР; 2) кодифицированные нормы, имеющие особенности и отличающиеся от законодательства государств — членов ЕАЭС.

Республика Казахстан — единственная страна на пространстве ЕАЭС, кодифицировавшая основные правовые нормы по вопросам предпринимательства, что дает основание рекомендовать экстраполировать опыт Казахстана другими государствами Союза, а также проработать вопрос о принятии модельного Предпринимательского кодекса в рамках иного интеграционного объединения — СНГ.

3. Развитие интеграционных процессов в рамках ЕАЭС невозможно без инвестиций, что актуализирует проблему совершенствования и гармонизации инвестиционного законодательства государств, которое на сегодняшний день не имеет единства. Различия в правовом регулировании проявляются в том, что, во-первых, не все государства — члены Союза разграничивают понятия «инвестиции» и «иностранные инвестиции». Во-вторых, самостоятельные законодательные акты об иностранных инвестициях и инвестициях имеются только в России и Армении, в других странах все виды инвестиций регулируются одним законом, в том числе в Республике Казахстан, все инвестиционные отношения являются предметом

правового регулирования Предпринимательского кодекса РК³³.

Исходя из содержания правовых актов ЕАЭС, инвестиционная деятельность государств — участников Союза не рассматривается как деятельность иностранного инвестора, а следовательно, особенности отношений с третьими государствами (не членами ЕАЭС) по вопросам инвестиций должны регулироваться отдельным законодательным актом. Аналогичные проблемы связаны с законодательным определением дефиниций «инвестор» и «иностраный инвестор», «инвестиционные преференции для иностранных инвесторов» и др.³⁴

4. Условием формирования интегрированной внешнеэкономической политики государствами — членами ЕАЭС является единство терминологии и понятийного аппарата, используемого в правовых актах Союза (например, «макроэкономические показатели», «внешнеторговая политика», «автоматическое лицензирование отдельных видов товаров», «тарифные льготы», «тарифные преференции» и др.). Следовательно, другой вектор гармонизации внутригосударственного законодательства должен быть направлен на его ревизию и с учетом «принципа модельности» международно-правовую рецепцию терминологии и понятийного аппарата, содержащегося в праве ЕАЭС.

5. Законодательство ЕАЭС содержит положения об ответственности за нарушения общих правил конкуренции, при этом применение штрафных санкций за такие нарушения возлагается на ЕЭК. Целесообразно в законодательстве государств — членов Союза отразить последствия избрания штрафных санкций ЕЭК и соотношение их с национальным административным законодательством (в том числе рецидив административного правонарушения).

6. Регулирование государственных закупок на уровне ЕАЭС предполагает создание единой системы государственных закупок с помощью электронных торгов, в этой связи на национальном уровне необходимо унифицировать правила получения и признания электронной подписи всеми государствами — членами Союза (отметим, что в Казахстане вводится QR-код, который равнозначен электронной подписи) и закрепить их в национальном законодательстве. Следует рассмотреть вопрос о возможной интеграции отдельных цифровых порталов ЕАЭС и порталов электронного

³² См.: Сидорова Н.В. Сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан и зарубежных государств о международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2022. № 8-1. С. 195.

³³ См.: Сидорова Н.В., Сатбаева К.Х. Еуразиялық экономикалық одақтастықтың интеграциялық үдерістерінің мемлекеттердің заңнамасын біріздендіру мен үйлестірудегі ықпалы // Наука и жизнь Казахстана. 2019. № 4 (79). С. 55.

³⁴ См.: там же.

правительства государств-членов, с обеспечением необходимых мер безопасности.

7. Членство государств в международных организациях, в том числе созданных на евразийском пространстве, определяется преимущественно международными договорами и учредительными актами таких организаций, в то же время на внутригосударственном уровне отсутствует правовой акт, в котором оговаривались бы внутригосударственные аспекты членства, правовой статус представителей государств в таких организациях (соответствующие нормы целесообразно отразить в трудовом законодательстве, в законодательстве о государственной службе, о противодействии коррупции и др.). Следует на уровне СНГ разработать модельный закон, регулирующий данные вопросы.

8. Особенность права государств в условиях членства в ЕАЭС и ВТО предполагает совмещение различных кластеров (торговый, налоговый, банковский, транспортный, таможенный и др.) в различных интеграционных правовых пространствах ВТО и ЕАЭС, а также в двусторонних правовых форматах сотрудничества с третьими странами. Названные обстоятельства являются ключевым аспектом, влияющим на гармонизацию и унификацию законодательства в свете интеграционного развития ЕАЭС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев Н.* Русский народ и государство. М., 2003. С. 164.
2. *Ахматов В.Н.* Проблема философии права евразийства. М., 2015.
3. Евразийцы в Крыму и о Крыме // Таврия литературная. 2019. № 4.
4. *Жуков В.Н.* Ценность человека в контексте евразийской правовой культуры // Государство и право. 2020. № 11. С. 167, 168.
5. *Задорожнюк Э.Г.* Евразийский концепт «месторазвитие»: северокавказская составляющая // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 1.
6. *Задорожнюк Э.Г.* Неуслышанные споры: евразийцы о судьбах славянства // Вопросы истории. 2016. № 7.
7. *Задорожнюк Э.Г.* Предвосхищение евразийства // Диалог со временем. 2016. Вып. 57.
8. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921.
9. *Карсавин Л.П.* О личности // Карсавин Л.П. Религиозно-философские сочинения. М., 1992. Т. 1. С. 113, 150, 161, 177, 180 (Памятники религиозно-философской мысли).
10. *Карсавин Л.П.* О личности. Kaunas, 1929 (Commentationes ordinis philologorum universitatis lituanae; Lib. 5, III).
11. *Колесниченко Ю.В.* Личность в евразийстве: гносеологические основания. М., 2008.
12. *Курбанов Р.А.* Евразийское право в системе права Российской Федерации // Междунар. право. 2017. № 2. С. 45–65.
13. *Маслин М.А.* У истока евразийства. К 100-летию опубликования книги князя Николая Трубецкого «Европа и человечество» // Философский журнал. 2019. Т. 12. № 4. С. 161–178.
14. *Нешатаева Т.* Суд Евразийского экономического союза: от правовой позиции к действующему праву // Междунар. правосудие. 2017. № 2 (22). С. 75.
15. Новая элита в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: политические портреты. Конец XX – начало XXI в. / отв. ред. К.В. Никифоров. СПб., 2022.
16. *Сейтимова В.Х.* Роль консультативных заключений Суда ЕАЭС в развитии права Союза и евразийской интеграции // Пять лет Договору о Евразийском экономическом союзе: роль Суда: Междунар. конф. (19–20 сентября 2019 г., г. Минск): сб. материалов / редкол.: А.С. Бугаева [и др.]. Минск, 2020. С. 122.
17. *Сидорова Н.В.* Сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан и зарубежных государств о международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2022. № 8-1. С. 195.
18. *Сидорова Н.В., Сатбаева К.Х.* Евразиялық экономикалық одақтастықтың интеграциялық үдерістерінің мемлекеттердің заңнамасын біріздендіру мен үйлестірудегі ықпалы // Наука и жизнь Казахстана. 2019. № 4 (79). С. 55.
19. Смена вех: сб. ст.: июль 1921 г. Прага, 1921.
20. *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество. София, 1920.

REFERENCES

1. *Alekseev N.* The Russian people and the state. M., 2003. P. 164 (in Russ.).
2. *Akhmatov V.N.* The problem of the Philosophy of the Law of Eurasianism. M., 2015 (in Russ.).
3. Eurasians in the Crimea and about the Crimea // Tavia literaturnaya. 2019. No. 4 (in Russ.).
4. *Zhukov V.N.* Human value in the context of the Eurasian legal culture // State and Law. 2020. No. 11. P. 167, 168 (in Russ.).
5. *Zadorozhnyuk E.G.* The Eurasian concept of 'local development': the North Caucasian component // Humanitarian and legal studies. 2017. No. 1 (in Russ.).
6. *Zadorozhnyuk E.G.* Unheard disputes: Eurasians about the fate of Slavs // Questions of history. 2016. No. 7 (in Russ.).
7. *Zadorozhnyuk E.G.* Anticipating Eurasianism // Dialogue with time. 2016. Issue 57 (in Russ.).
8. Exodus to the East. Premonitions and accomplishments. Approval of the Eurasians. Sofia, 1921 (in Russ.).
9. *Karsavin L.P.* On personality // Karsavin L.P. Religious and philosophical writings. M., 1992. Vol. 1. P. 113, 150,

- 161, 177, 180 (Monuments of religious and philosophical thought) (in Russ.).
10. *Karsavin L.P.* About personality. Kaunas, 1929 (Commentationes ordinis philologorum universitatis lituanae; Lib. 5, III) (in Russ.).
 11. *Kolesnichenko Yu. V.* Personality in Eurasianism: epistemological foundations. M., 2008 (in Russ.).
 12. *Kurbanov R.A.* Eurasian Law in the system of law of the Russian Federation // International Law. 2017. No. 2. P. 45–65 (in Russ.).
 13. *Maslin M.A.* At the source of Eurasianism. To the 100th anniversary of the publication of Prince Nikolai Trubetskoy's book "Europe and Humanity" // Philosophical Journal. 2019. Vol. 12. No. 4. P. 161–178 (in Russ.).
 14. *Neshataeva T.* The Court of the Eurasian Economic Union: from the legal position to the current law // International Justice. 2017. No. 2 (22). P. 75 (in Russ.).
 15. The new elite in the countries of Central and South-Eastern Europe: political portraits. The end of XX – the beginning of XXI century / ed. by K.V. Nikiforov. SPb., 2022 (in Russ.).
 16. *Seytimova V.H.* The role of advisory opinions of the EAEU Court in the development of the law of the Union and Eurasian integration // Five years of the Treaty on the Eurasian Economic Union: the role of the Court: International Conference (September 19–20, 2019, Minsk): collection of materials / Editorial Board: A.S. Bugaeva [et al.]. Minsk, 2020. P. 122 (in Russ.).
 17. *Sidorova N.V.* Comparative analysis of the criminal procedure legislation of the Republic of Kazakhstan and foreign states on international cooperation in the field of criminal court proceedings // Public safety, legality and law and order in the III millennium. 2022. No. 8–1. P. 195 (in Russ.).
 18. *Sidorova N.V., Satbayeva K. Kh.* The influence of the integration processes of the Eurasian Economic Union on the unification and coordination of the legislation of the states // Science and life of Kazakhstan. 2019. No. 4 (79). P. 55 (in Russ.).
 19. Change of milestones: collection of articles: July 1921. Prague, 1921 (in Russ.).
 20. *Trubetskoy N.S.* Europe and humanity. Sofia, 1920 (in Russ.).

Сведения об авторе

КРОТКОВА Наталья Викторовна — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» РАН; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
SPIN-код: 1035-1892
ORCID: 0000-0002-4491-6016

Authors' information

KROTKOVA Natalya V. — PhD of Law, Leading Researcher, Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Vice-Editor-in-Chief of journal "State and Law" of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia